

МОГУЧИЙ ТАЛАНТ

Араму Хачатуряну — семьдесят лет

Писать музыку о народе и для народа — вот высшая цель каждого советского композитора. Создавать произведения, достойно воспевающие нашу великую Родину, вдохновенный патристический труд строителей коммунизма, спавить героев нашей эпохи — вот задача, стоящая перед всей многонациональной и дружной семьей композиторов Советского Союза.

Арам ХАЧАТУРЯН

Аветик ИСАКЯН

Арам Хачатурян глубоко прочувствовал и познал душу армянской народной песни, которая вдохновила его свежую и прекрасную музыку.

Он представил миру армянскую песню, преломленную сквозь призму своего великого таланта.

Мартiros САРЬЯН

С любовью и интересом я начал следить за музыкой Арама Хачатуряна уже с 30-х годов. Тогда художник в искусстве другого подмечает и улавливает черты общие и родственные, он связывается с ним узами особенно тесными. Так от сочинения к сочинению стал мне близок Хачатурян. Слушая его музыку, чувствую: перед тобой художник, чье сердце сформировалось и окрепло в творческом активном отношении к своему народу. Ценно не только то, что композитор вскрывает свою палитру сокровищам народной музыки. В истории искусства, особенно музыкального, это встречается не так уж редко. Для меня самая великая заслуга его искусства — в обобщенном воссоздании образа народа, во вдохновенно запечатленной характеристике родной природы и духа народного.

Художественные представления Хачатуряна масштабы. Истинное искусство предвещает еще одно чрезвычайно важное требование. Это утверждение неповторимой творческой индивидуальности. Если же эта индивидуальность настолько самобытна, что в процессе развития искусства воспринимается как открытие, — что и говорит, вклад художника становится особенно значительным. Творчество Хачатуряна явилось новым вкладом в национальную культуру. Он проложил множество путей, тайственных и пленительных путей искусства.

По-настоящему из них вышел он сам, Хачатурян. И до сих пор идет своей уверенной поступью, приобщая родную музыку к движению мирового музыкального искусства.

Я ОЧЕНЬ хорошо помню то большое и сильное впечатление, которое на меня произвела Первая симфония, впервые исполненная в Ленинграде в 1936 году под управлением дирижера Штидри. Еще до исполнения симфонии Хачатурян ознакомил меня с ее партитурой. Меня поразило необычайное мелодическое богатство этого произведения, превосходнейшая яркая оркестровка, глубокая содержательность музыкального материала и его общий праздничный и радостный колорит. О музыке Первой симфонии можно сказать, что это настоящее упоение красотой и радостями жизни. Помню, что на премьере Первой симфонии было очень много музыкантов, которые испытывали примерно то же чувство, что и я, чувство радости по случаю появления очень большого и талантливого композитора.

Следующее сочинение, с которым мне пришлось познакомиться, был концерт для фортепиано с оркестром, занявший почетное место в репертуаре пианистов. Впервые я его слышал в превосходном исполнении Лява Оборина. В концерте был сделан значительный шаг вперед по сравнению с Первой симфонией. При большом, виртуозном блеске этого произведения в нем чувствовалась большая, глубокая мысль и еще больший симфонический размах, нежели в Первой симфонии. В этом концерте Хачатурян удалось сочетать виртуозное богатство с глубиной содержания.

Являясь образованнейшим музыкантом, Хачатурян постиг, понял и внутренне переработал, сообразно своей индивидуальности, многое из того, что дала мировая музыкальная культура. Глубокая и органичная его связь с русской музыкальной культурой: со студенческих лет он воспитывался на лучших образцах музыки Глинки, Чайковского, Бородина, Мусоргского и Римского-Корсакова. В беседах со мной Хачатурян неоднократно говорил о том, что эти авторы являются его любимыми композиторами. Без сомнения, великие мастера русской музыки сильно повлияли на формирование творческой личности Арама Хачатуряна, и это влияние принесло ему большую пользу. Несмотря на разницу музыкального языка, у Хачатуряна есть много общего с Бородиным, этим родоначальником нашего русского, я бы сказал, богатейшего — полнокровного, здорового, жизнерадостного — симфонизма. Без сомнения, эти качества Бородина имеются и в творчестве Хачатуряна.

В то же время у Чайковского Хачатурян научился создавать драматургически развитые симфонические произведения. Ведь, пожалуй, никто так сильно не владел искусством музыкальной драматургии, как Чайковский. В начале 30-х годов Хачатурян познакомился с симфоническими произведениями Чайковского, Римского-Корсакова и Бородина — и в какой степени не

Дмитрий ШОСТАКОВИЧ

Подлинная народность

разных музыкантов Глинки, Чайковского, Бородина, Мусоргского и Римского-Корсакова. В беседах со мной Хачатурян неоднократно говорил о том, что эти авторы являются его любимыми композиторами. Без сомнения, великие мастера русской музыки сильно повлияли на формирование творческой личности Арама Хачатуряна, и это влияние принесло ему большую пользу. Несмотря на разницу музыкального языка, у Хачатуряна есть много общего с Бородиным, этим родоначальником нашего русского, я бы сказал, богатейшего — полнокровного, здорового, жизнерадостного — симфонизма. Без сомнения, эти качества Бородина имеются и в творчестве Хачатуряна.

В то же время у Чайковского Хачатурян научился создавать драматургически развитые симфонические произведения. Ведь, пожалуй, никто так сильно не владел искусством музыкальной драматургии, как Чайковский. В начале 30-х годов Хачатурян познакомился с симфоническими произведениями Чайковского, Римского-Корсакова и Бородина — и в какой степени не

подавило композиторскую индивидуальность Хачатуряна. Индивидуальность композиторская физиономия Хачатуряна очень яркая. Эти влияния лишь умножили его творческие возможности. Я хочу остановиться также на Второй симфонии Хачатуряна, созданной им в 1943 году. События Великой Отечественной войны нашли отражение в творчестве советских художников. Эта симфония явилась замечательным отзвуком военных событий. В трагических частях Второй симфонии автор добивается необычайной силы. Вторая симфония — это, пожалуй, первое сочинение Хачатуряна, в котором трагическое начало подымается на очень большую высоту. Но, несмотря на свою трагическую сущность, это произведение полно глубокого оптимизма и глубокой веры в наше правое дело, в нашу победу. В симфонии много траурных звучаний и в то же время — ликующего торжества. Сочетание трагического и жизнеутверждающего приобретает здесь большую силу.

А. И. Хачатурян является автором Государственного гимна Армянской ССР. Большим событием в нашей музыкальной жизни мне представляется сочинение А. Хачатуряна — балет «Спартак». Прекрасная способность А. Хачатуряна наделять своих

героев характерными музыкальными образами — темой с новой силой проявилась в балете «Спартак». Автор умело сочетает здесь принципы симфонического развития со спецификой требований, предъявляемых к хореографическому искусству. К этому следует добавить, что партитуру «Спартак» отличает редкая в симфоническом колорите звучность оркестра, безукоризненное умение композитора выгодно расположить в общей звуковой картине краски отдельных инструментов, находить бесконечное множество их сочетаний.

Индивидуальность А. Хачатуряна, являющаяся результатом большого творческого дарования, сказывается не только в манере письма, но и в том, что буквально в каждом такте узнаешь своеобразный почерк автора. Индивидуальность А. Хачатуряна значительно шире и богаче, чем сфера только музыкальной техники: к ней надо отнести и мироощущение композитора, основанное на глубоком оптимистическом, жизнеутверждающем толковании нашей действительности.

В балете «Гаяз», в музыке к драме Лермонтова «Маскарад», в сюите «Валескианская вдова», в балете «Спартак» — всюду А. Хачатурян ярко национален. Но это не узкое понимание народности и национальности, ограниченное привычными ладовыми интонациями, гармониями или ритмами. Это подлинная народность, обогащенная вершинами мировой культуры и сама вносящая в мировую культуру свой новый ценный вклад.

Я уверен, что Арам Ильич создаст еще много новых произведений, которые будут радовать наш народ и прославлять нашу Родину.

Борис АСАФЬЕВ

Это, прежде всего, мир музыки. Нечто рубенсовское в пышности насаждающейся жизнью мелодики и роскоши оркестровых звучаний. И не только тут пышность, но и изобилие, щедрость: грозы мелодий и орнаментов. Слово — вкупаше музыку, растопительно привольную, радующую своему изобилию. Он не может создавать вне ощущения солнца, света, яркости глянцев в игре напевов и ритмов, в сочности красок оркестра, больше того, в атмосфере радости.

В какой бы форме ни являлась музыка Хачатуряна, в ней все же непременно обнаружится импровизация, и именно импровизация — это то, что есть данные напев и ритм в вариантных сопоставлениях со множеством узоров на остинатном рисунке. Гамма настроений и смена их — беспредельны: от томных, нежных, изысканно-рыцарственных высказываний и образов до величаво-грозных, плотных, страстных, гнущих-сочных. И всюду всегда слух ошеломлен щедростью выразительных средств и неисчерпаемостью выдумки. Рядом музыки достигают пороги бездонной изобилия, в пестроту сменя драматический, словно перескакивая, дикую прелесть камня, и назидательность озер, за озером, и сменя красок в оркестре и сменя звенящих напевах кажутся переменяющейся игрой сияний, напевах, от яркой бриллиантовой лучей до эстетической прелесть жемчуга!

Джордже ДЖОРДЖЕСКУ

С творчеством Арама Хачатуряна я познакомился задолго до нашей личной встречи. Однажды летом, отправившись в санаторий на побережье Черного моря, я захватил с собой партитуру Второй симфонии. При первом же просмотре меня необыкновенно увлекло величие ее содержания, богатство мелодий, искренность. Вскоре мне захотелось по-настоящему изучить симфонию и исполнить ее. С нетерпением ждал я начала сезона. Осенью, по возвращении в Бухарест, я стал работать над Второй симфонией вместе с оркестром, и вскоре симфония была исполнена в театре наших концертов, имевших колоссальный успех. Иначе и не могло быть с произведением столь величественным, в котором так сильно сочетается колорит, поэзия, идущие от народного искусства, и классическая ясность формы. Сочетание оригинального, светлого и разнообразного по звучанию. В симфонии выражены, кажется, все чувства, которые бушуют в сердцах людей. В ее звуках — гнев и возмущение, скорбь, доходящая до отчаяния, но полная энергии, и лирика, интимная и в то же время торжественная.

И всю эту гамму чувств сменяет настроение правды, возмущающей торжество радости жизни.

Клаудию САНТОРО

Хачатурян является, пожалуй, самым известным и самым популярным советским композитором в Бразилии. Меня, уже ранее слышавшего произведения этого мастера, при встрече с ним не удивила его обязательность и жизнерадостность. Простота и темперамент Хачатуряна воплощены в его творчестве, в его манере выдвигать и развивать музыкальные идеи. Эти черты, на мой взгляд, и обуславливают в основном успех его музыки.

Творчество Хачатуряна обладает не только присущими ему отнюдь особенностями, но и человеческими чертами, свойственными всем лучшим произведениям советской музыки. Гуманизм содержания содействует успеху произведений советских мастеров. Гуманизм, который так недостает в творчестве большинства современных композиторов Запада, определяет тот факт, что советская музыка стала большим искусством нашего времени, находящим живой отклик в самых различных слоях населения.

Рио-де-Жанейро.

Самюэл БАРБЕР

9 октября 1943 года, только что демобилизовавшись из военно-воздушных сил, где я сделал далеко не блестящую карьеру, мне довелось побывать в Бостоне, где симфонический оркестр во главе с Кусевицким исполнил мою новую пьесу Улы. Моя композиция оказалась тоже далеко не блестящей!

Зато мне очень приятно вспомнить ошеломляющий успех последовавшей вслед за тем американской премьеры Фортепианного концерта Арама Хачатуряна. Где бы ни появлялся отныне его первый исполнитель, Вильям Капелл, публика всегда астаивала его играть это сочинение. Она так и требовала: «Концерт». Уже во время репетиции Кусевицкий сказал мне со своей таинственной и заискивающей улыбкой, приберегаемой обычно для самых больших событий: «Вы слышите кое-что услышите, мой дорогой». Он был прав. И сегодня через двадцать лет, я живо вспоминаю первое впечатление от хачатуряновских красок и ритмов. Оно не стало с годами менее свежим, так как Хачатурян говорит голосом своей страны и голоса своего народа. Композитор, который делает это с такой непосредственностью и непринужденностью, — большая редкость.

Нью-Йорк.

На снимке (слева направо): С. Прокофьев, Д. Шостакович и А. Хачатурян. Москва, 1945 г.

Эдгар ОГАНЕСЯН

С огромной любовью

Очень трудно писать о Хачатуряне. И не только потому, что многое уже написано и сказано. Просто далеко не каждому это по плечу. Казалось бы, проще рассказать о Хачатуряне педагогу. Но и это достаточно сложно. Учеником Арама Ильича я чувствовал себя с того самого дня, когда впервые услышал его музыку, а это было еще в детстве. И, думаю, не я один. Поколения армянских композиторов, пришедших в музыку после того, как творчество Хачатуряна достигло расцвета («спящего расцвета», как пожелал ему, кажется, А. Спендиаров), в той или иной степени находились и находятся под обаянием мощной индивидуальности Хачатуряна. Искусство его — это голос лучших национальных традиций, и потому так сильно влияние его на художников Армении, да и не только Армении. В этом смысле творчество Арама Ильича, пожалуй, можно было бы назвать энциклопедией современной армянской музыки. В его сочинениях, даже самых ранних, нет такого «тезиса», нет такого штриха, который не был бы развит в дальнейшем, или сам, или его младшими коллегами. И возможности развития и углубления его даже «спящих» обретенных» мыслей и фраз далеко еще не исчерпаны, и еще не одно поколение композиторов Армении будет приходить к роднику музыки Хачатуряна. Тем более, что если хочешь учиться у мастера, не всегда обязательно посещать его класс, — достаточно просто любить его музыку.

Что можно сказать о педагогическом методе Хачатуряна — человека, придерживавшегося чрезвычайно скромного мнения о роли учителя («ни один педагог не может дать того, что дает музыка, музыкальная практика, жизнь»)?

Требователен. Скуп на комплименты. Добивается, чтоб все было понято учеником здесь же, в классе. Нетерпим к лени. Еще более нетерпим к хвастливому бравоированию «новациями». Ученик должен отвечать за каждую ноту своего опуса. В особенности, если это музыка для сцены или для экрана. Тогда на каждый штрих в партитуре — вопрос: «А что здесь происходит?»

Хачатурян не может жить без людей, не может не общаться со слушателями. Особенно любит Арам Ильич, мне кажется, поездку по Армении. Редкий его приезд в Ереван обходился без того, чтобы он не концертничал в районах республики: «Хочу встречаться с народом». И народ платит Хачатуряну огромную любовь. Музыка его, истинная, правдивая, вызывает у людей бесконечное доверие к автору, великому сыну своего народа.

Анаит ЦИЦИКЯН

Солнечное творчество

Музыка Арама Хачатуряна — это тонкое, огромное мир чувств и образов, контрастов и удивительных коллизий. Волшебный мир музыки, поражающий и увлекающий пестротой палитры красок художника, сочными и яркими звуковыми мажорами, величием и пышностью форм, ритмической выдумкой и изобретательностью, блеском и колоритностью оркестровки.

Впервые в истории музыки интонационно-ладовые и ритмические элементы восточной музыки, импровизационная стихия Востока органически слились с приемами высокого симфонизма. В этом заключено огромное авторское значение Хачатуряна.

Музыка Хачатуряна нельзя слушать ни в какой другой, так же, как палитру цвета и кисти Мартироса Сарьяна, поэзию и мудрость Аветика Исаакяна. Достаточно услышать лишь несколько тактов его музыки, и вы сразу узнаете знакомые и близкие сердцу мелодические плетения, острые ритмические узоры, вы погружаетесь в волны царящего, волшебного мира звуков.

Своеобразие стиля Арама Хачатуряна заключено также и в ярко национальной окраске его творчества. При этом именно народные интонации, попевки, звучания оказались той естественной средой, той благодатной почвой, которая питала творческое сознание композитора, начиная с далеких детских лет.

В шумных и пестрых казачьих праздниках, в гордой песне, в блестящих импровизациях народных музыкантов, в этом, как он сам говорил, «неисчерпаемом кладзе» народного искусства, Арам Ильич, истинно и глубоко убежден, будет ощущать со все большей силой и очевидностью.

Музыка Хачатуряна оказалась огромным влиянием на творчество армянских композиторов. Лично о себе могу

сказать, что с самых первых шагов в творчестве я находился под неотразимым обаянием искусства нашего великого современника. Мое первое непосредственное знакомство с музыкой Арама Ильича началось с его «Поэмы» для фортепиано. Это была одна из очередей, в которых я должен был пройти в фортепиальном классе (дело происходило в 1936 — 37 гг.). Разучивая «Поэму», я был сразу захвачен целым потоком неожиданных и волнующих музыкальных впечатлений. Преду мною словно возник совершенно новый мир. Он, казалось, был мне очень близок и в чем-то знаком и в то же время поражающе непривычным, удивительной новизной и свежестью. Непривычны были новые методы обращения со знакомым народным музыкальным материалом, сочетание своеобразнейших хачатуряновских гармоний, богатство колорита, равнообразно фортепиальной фактуры, которая сама по себе уже звучала очень «национально».

У нас бытует мнение, будто влияние музыки Хачатуряна на творчество армянских композиторов моего поколения (и даже более молодых) было настолько сильным и всеобъемлющим, что в какой-то момент оно начало торжественно провозглашать творческую самостоятельность у каждого из нас. Должен сказать, что в этом вопросе я придерживаюсь противоположного мнения. Сошлюсь опять на свой опыт. Знакомство с глубоко самобытным и национальным искусством Арама Ильича стало для меня как бы распахнутым окном в мир большой современной музыки. Оно дало ту необходимую почву, опираясь на которую, я мог бы гораздо увереннее и сознательно музыканта и обогащенное лучшими достижениями мировой музыкальной культуры, опытом и мастерством художника, само становилось частью мировой культуры.

Отмечая юбилей Арама Хачатуряна, мы хотим сердечно поздравить его с присвоением почетного звания Героя Социалистического Труда и поблагодарить за его вечно юное, жизнелюбивое, солнечное творчество. Великий зодчий мировой культуры, он возвышал духовный облик во славу искусства, которому посвятил жизнь. А Хачатурян восславил Родину, воспел Армению и армянскую музыку, но назвать его только армянским композитором мы не вправе. Творчество его, ставшее достоянием всех культурных народов мира, стало и общечеловеческим. И в этом могучая сила его таланта.

Обращает внимание, как мудро использует А. Хачатурян народные попевки в своих произведениях, как бережно и в то же время мастерски смело и свободно. Такая попевка, говорит он, представляет собой «интонационное зерно». «Развивая, перерабатывая и обогащая ее, настраивая самостоятельную мелодию, гармонические краски», он получает «качественно новые мелодии и ритмы, ни в чем не противоречащие национальной стихии армянской музыки». Так национальный элемент, народное начало, преломлен